

930(4+7)=111:94(55)"1979-1989":929*Хомейни

Имам Хомейни и его наследие: основные направления исследований в западной англоязычной историографии

Н.В. КОШЕЛЕВА

Рассматриваются основные тенденции изучения деятельности имама Хомейни как центральной фигуры Исламской революции 1978–1979 гг. в Иране и оценки его наследия в западной, преимущественно американской, историографии. При этом особый акцент делается на публикации 1980-х гг., которые заложили основу концептуальных подходов к рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: Иран, Исламская революция, Хомейни, ислам, шиитские традиции, англоязычная историография, историографические дискуссии.

The basic tendencies of the study the activities of Imam Khomeini as the central figure of the Islamic Revolution of 1978–1979 in Iran and the assessment of his heritage in the Western, mainly American, historiography. The particular emphasis is made on the studies of the 1980th, which laid the foundation for the conceptual approaches to the research problem.

Keywords: Iran, Islamic Revolution, Khomeini, Shiite traditions, English-language historiography, historiographical debates.

Произошедшая в 1978–1979 гг. Исламская революция в Иране кардинально изменила политическое пространство Ближнего Востока, произвела эффект разорвавшейся бомбы в международном сообществе. Немалый резонанс она вызвала в академических кругах, став одной из ведущих тем исследований в англоязычной иранистике, в первую очередь в США, Израиле и Великобритании. Уже с начала 1980-х гг. появляются полноценные публикации, посвященные данной теме. Примечательно, что для американских ученых события Исламской революции были особенно неожиданными и удивительными, поскольку в один момент в целом дружественная страна превратилась в злейшего врага США. Необходимо было дать научно обоснованный ответ на вопрос: как такое могло произойти и почему?

Замечательным примером одной из первых попыток дать ответ на поставленный вопрос является работа американского востоковеда, почетного профессора университета Вирджинии Рухоллы Рамазани «Соединенные Штаты и Иран: модели влияния» (1982) [1]. В своем исследовании Рамазани подробно проанализировал отношения между США и Ираном. При этом особое внимание уделил вовлечению США в иранскую внутреннюю и внешнюю политику в период шахского режима с 1941 по 1979 гг., охарактеризовав природу влияния США в Иране в контексте исторического развития. Рамазани пришел к выводу, что иранская внутренняя политика была напрямую связана с внешнеполитическим курсом Ирана в отношении США, что и сыграло определяющую роль в успехе Иранской революции.

В целом же с самого начала среди исследований, посвященных данной теме, выделилось несколько основных направлений: отношения Ирана со странами Запада, особенно с Соединенными Штатами, проблемы внутренней политики Ирана, религиозный аспект произошедшей в Иране революции. Особое направление составил обширный корпус аналитических материалов, посвященных лидеру Исламской революции – имаму Хомейни, сыгравшему ключевую роль в становлении новой иранской государственности.

Многие авторы, изданных на Западе в 1980-х гг. публикаций, делали акцент на международной политике в зоне Персидского залива и на внешней политике Ирана, пытаясь выявить причины и предпосылки Исламской революции. К примеру, в книге израильского ученого американского происхождения, специалиста по Ближнему Востоку, сохранившего тесные научные контакты со своей родиной, Бэрри Рубина «Вымощенный божественными намерениями: американский опыт и Иран» (1980) проводится анализ взаимоотношений США со странами Персидского залива с начала XX в. [2]. Автор стремится выяснить, как США «трансформировались в глазах иранцев – от статуса национальных спасителей до пожиряю-

щего мир сатану в эпоху Хомейни» [2, р. 9]. При этом Рубин критикует американскую внешнюю политику в данном регионе за ее «нерациональность», ненавязчиво подводя читателя к мысли о причастности США к Исламской революции. Такой же подход характерен и для исследования Микаэля Ледина и Уильямса Льюиса, изданного под говорящим названием «Разгром: американский проигрыш в Иране» (1981). В их работе, сочетающей журналистские и научные методы, анализируется период правления династии Пехлеви, а также связи США и Ирана, начиная с 1940-х гг. и заканчивая Исламской революцией [3].

Одновременно, начиная с 1980-х гг., появляется ряд исследований, которые акцентируют внимание на шиитской традиции в контексте Исламской революции. Наиболее авторитетными следует назвать работы американского ираниста Никки Р. Кэдди, в которых подробно освещается религиозная специфика Ирана [4]–[6]. В книге «Корни революции: объяснение истории современного Ирана» (1981) Н. Кэдди, в частности, проанализировала влияние шиизма на движения социального протеста в Иране на всем протяжении его шиитской истории. При этом автор несколько идеализирует роль религиозного фактора: «Развитие шиизма в Иране повлияло на формирование в нем отдельной локальной идентичности. До двадцатого века шиитская компонента этой идентичности была важнее иранской, хотя зачастую не было необходимости их различать. С 1501 г. вплоть до этого века (XX в. – прим. автора) иранизм и шиизм являлись для многих людей частями одного и того же целого» [4, р. 23]. Именно Исламская революция, подчеркивает Н. Кэдди, стала тем инструментом, который должен был восстановить целостность этой идентичности. По ее мнению, даже если бы не было кровавого инцидента в Куме в январе 1978 г. (выступления религиозных студентов этого священного города шиитов в ответ на опубликованную властями статью, в которой Хомейни предстал как приспешник британского колониализма) «религиозное движение все равно стало бы ведущей оппозиционной силой» [4, р. 243].

Приблизительно в таком же ключе интерпретируется роль шиизма и в исследовании профессора антропологии Массачусетского технологического института Майкла Фишера «Иран: от религиозного диспута к революции» (1980) [7]. В отличие от большинства работ, которые появились непосредственно после революции, книга М. Фишера основана на обширных полевых работах, проведенных в Куме, где автор общался с муллами и их учениками с целью воссоздания полноценной картины иранского общества, а также выявления отношения к религии каждого социального класса.

В это же время, следует подчеркнуть, публикуются первые исследования, в которых особый акцент делается на политической фигуре и личности самого имама Хомейни.

Одной из самых влиятельных (по мнению, газеты «Нью-Йорк Таймс» от 10 декабря 1989 г.) англоязычных работ по Исламской революции в 1980-е гг. стала книга Саида Амира Арджоманда «Тюрбан для Короны: Исламская революция в Иране» (1988) [8]. С.А. Арджоманд является заслуженным профессором социологии в Университете штата Нью-Йорк в Стони Брук (Лонг-Айленд), директором Института глобальных исследований Стони Брук, а также основателем и нынешним президентом Ассоциации по изучению персоязычных обществ. В книге Арджоманда подробно рассматриваются появление на политической сцене Хомейни и его дальнейшая деятельность, структуры власти в шиизме и влияние современного государства на иранское общество. Именно последние два фактора, по мнению автора, и есть основные, с помощью которых можно понять смысл и содержание Исламской революции.

В 1980-е гг. появляется ряд исследований, в которых Исламская революция и деятельность Хомейни рассматриваются под вывеской воинствующего ислама. В этом отношении весьма показательна книга американского аналитика по международным делам, журналистки Робин Райт «Священная ярость: гнев воинствующего ислама» (1985), в которой она пытается осмыслить произошедшие в Иране перемены [9]. Этому же автору принадлежат и другие книги, посвященные Хомейни и Исламской революции, изданные в 1990–2000-х гг. В частности, в книге «Во имя Бога: десятилетие Хомейни» (2010) Райт дает свою оценку Исламской революции. Она пишет, что «Исламская революция в истории Ближнего Востока по своему значению сопоставима лишь с такими событиями, как создание государства Израиль и падение Османской империи» [9, р. XVII]. Такое большое значение Исламской революции автор увязывает с тем, что Иран оказывает большое влияние на ценообразование в

нефтяной сфере, на терроризм, а также с тем, что Иран широко использует религию в политических целях [9, р. XVIII].

При оценке деятельности Хомейни и его политических взглядов большинство западных ученых называли и называют его фундаменталистом [10]. Например, в работе британского журналиста Кона Кухлина «Призрак Хомейни: Иранская революция и подъем воинствующего ислама» (2014) говорится о «фундаменталистской интерпретации ислама», которую предложил имам Хомейни [11, р. 223]. Тем не менее, еще в 1990-е гг. появилась идея рассматривать Хомейни не как фундаменталиста, а как сугубо популистскую фигуру. Такого мнения придерживается ученый-иранист Эрванд Абрахамян, иранский армянин, выросший в Англии и получивший ученую степень в Колумбийском университете. В настоящее время он преподает в США в университете Нью-Йорка. С начала 1980-х гг. Э. Абрахамян опубликовал ряд крупных работ, посвященных истории Ирана и, в частности, Иранской революции. В контексте данной статьи наибольшего внимания заслуживает его работа «Хомейнизм: очерки Исламской Республики» (1993) [12].

В данной работе Абрахамян предлагает рассматривать Хомейни и инициированное им исламское движение не через призму фанатизма, радикализма и фундаментализма, как принято считать на Западе, а как форму третьего мирового политического популизма – радикального, но прагматичного движения среднего класса, которое скорее стремится войти в современный мир, а не отвергнуть его. Автор критикует использование термина «фундаментализм» в отношении Хомейни и Исламской революции на том основании, что разные политические силы понимают этот термин по-своему. Так, для консерваторов он означает «ксенофобию» и «радикализм»; для либералов – «экстремизм, фанатизм и традиционализм»; для радикалов – «политический атавизм и отрицание науки, современности, истории, Просвещения и индустриальной революции» [12, р. 2–3]. Абрахамян указывает на то, что более правильным было бы употреблять по отношению к Хомейни термин «популизм», поскольку он ассоциируется с «идеологической адаптивностью и интеллектуальной подвижностью, с политическими протестами против установленного порядка и с социально-экономическими проблемами, которые принудили оппозиционные массы нарушить статус-кво» [12, р. 2–3]. Другими словами, по мнению автора, если фундаментализм ассоциируется с «невозможностью приспособиться к современности», то популизм как раз допускает такую возможность [12, р. 2].

В целом, давая критическую оценку имаму Хомейни, Э. Абрахамян ставит задачу определить, чем являются работы Хомейни для его последователей. Он начинает свой анализ с политических и теологических трактатов Хомейни (с 1943 г.), его выступлений, интервью и фетв. В результате этого анализа Абрахамян приходит к выводу, что хомейнизм предстает как воинствующая, порой противоречивая, политическая идеология и движение, нацеленные не на реализацию сугубо религиозных принципов, а на удовлетворение политических, социальных и экономических требований рабочих и среднего класса. При этом отличительной особенностью этого политического движения является его гибкость [12, р. 3].

Абрахамян обращает внимание читателя на то, что шиитское духовенство, в отличие от суннитов, не смогло в средние века разработать последовательную теорию государства. Говоря о формировании суннитской версии государственной модели, Абрахамян отмечает, что «суннитское духовенство связало политическое повиновение с религиозным долгом, а гражданское неповиновение с религиозной ересью» [12, р. 17–19]. Шиитская же модель государственности, известная как «веляят-е факих», в среде шиитских богословов Средневековья и Нового времени означала «не больше, чем правовая опека высшего духовенства над теми, кто не в состоянии заботиться о себе – над несовершеннолетними, вдовами и умственно недееспособными... Концепция “веляят-е факих” также означала, что высшее духовенство имеет право вступать в политическую борьбу, правда, только временную и только тогда, когда монарх своими действиями ставит под угрозу все сообщество» [12, р. 19].

По мнению Э. Абрахамяна, именно Хомейни в 1965–1970 гг. развил новую теорию государства в шиизме. Правда, автор затрудняется назвать источники этого нового видения государства, но предполагает, что одним из них могли быть шиитские богословы Наджафа (в то время Хомейни находился в изгнании в этом духовном центре шиизма), занимавшиеся разра-

боткой новых концепций в период борьбы с коммунистами, которых было немало среди иракских шиитов. На Хомейни, вероятно, оказывали влияние оппозиционно настроенные иранские студенты и, несомненно, знаменитый писатель Джалал Але-Ахмад – автор антизападного памфлета «Гхарбзадеги» («Чума с Запада»). Абрахамян отмечает, что Джалал Але-Ахмад был единственным писателем, который удостоился от Хомейни положительных отзывов [12, р. 22].

Практически все исследователи отмечают огромное влияние, которое наследие Хомейни оказало и продолжает оказывать не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Ирана. Ирано-американский ученый Рей Такейх (в прошлом чиновник государственного департамента США, в настоящее время – старший научный сотрудник Совета по международным отношениям), выразил это весьма красноречиво в следующих словах: «Как правило, незападные революционные режимы отказывались от жесткой идеологической внешней политики и принимали основополагающую легитимность международной системы. Однако иранские лидеры до сих пор разделяют мировоззрение Хомейни. Гибкость иранской исламистской идеологии во внешней политике поразительна. Современная внешняя политика Китая не строится на взглядах Мао, как и Хо Ши Мин не является путеводным светом Вьетнама интегрироваться в азиатское сообщество. А вот руководство Ирана придерживается политики, имеющей корни преимущественно в идеологическом видении Хомейни, даже в том случае, когда такая политика ущербна для национальных интересов страны и даже тогда, когда заметная часть правящей элиты отвергает ее» [13, р. 51].

Рей Такейх обращает внимание еще на одну важную деталь: «Многие западные обозреватели Ирана не понимают, что иранская внешняя политика выкроена преимущественно таким образом, чтобы поддерживать идеологическую идентичность. Поэтому мы не можем понять внешнюю политику Ирана и ее очевидную враждебность, привычно оценивая его международное окружение или те или иные изменения в ближневосточном балансе сил» [13, р. 51]. Такейх задается вопросом, «почему иранское руководство продолжает поддерживать этот идеологический шаблон столько времени после революции». И отвечает на это следующим образом: «Исламская Республика отличается от своих революционных двойников тем, что ее государственная идеология является и ее же религией. Это политизированная и радикализованная версия шиитского ислама, которая является официальной догмой... Революционные режимы обычно меняются, когда их ревностные приверженцы разочаровываются и отходят от веры. В конце концов, гораздо легче быть экс-марксистом, чем экс-шиитом. В одном случае отказ от веры (убеждений) является политическим дезертирством, в другом случае – изменой» [13, р. 51].

Оценивая влияние Хомейни на внешнюю и международную политику, Такейх делает очень важный вывод: «Хомейни предложил уникальный вызов концепции национального государства и доминирующим нормам международной системы. Сущность его послания заключалась в том, что жизнеспособность его исламистских идей внутри страны зависит от их непрестанного распространения за пределы страны. Более того, поскольку Божественное видение не ограничивалось одним народом, иранская внешняя политика должна стать расширением его внутренней революционной нестабильности... Международные отношения Ирана характеризуются революционными импульсами, которые находятся в состоянии постоянной борьбы с прагматизмом... Интернационализм Хомейни должен иметь антагониста, контраст, основываясь на которых можно идентифицировать себя. Карикатурная концепция Запада стала центральным столпом его исламистской фантазии» [13, р. 51–52]. Небезынтересна характеристика этим автором отношения представителей молодого поколения из политического истеблишмента Ирана к внешней политике своего государства: «Парадоксально, но сегодня мы видим молодое поколение иранских лидеров, которые отвергают более прагматичный, неревolutionный подход старших – Расфанджани и Хатами – в пользу наследия Хомейни в международных делах. Это наследие, уходящее корнями в аскетические исламистские взгляды, призвано опрокинуть региональный порядок и бросить вызов существующей международной системе» [13, р. 61].

Рассматривая проблему государственной идентичности современного Ирана, Рей Такейх выделяет три основных фактора формирования данной идентичности: сила влияния самой Исламской революции, сформированный в иранском обществе образ Хомейни и внешняя политика Ирана. В этой связи исследователь подчеркивает: «Примечательно то, что

Исламская республика стремится поддерживать свою революционную идентичность перед лицом существенного давления, дезертирства элиты и массового недовольства по всей стране. Институциональная сокрушительная сила революции способствовала этому успеху, так же как и формирование элитой аскетического образа Хомейни. Но и внешняя политика Ирана также сыграла ключевую роль в поддержании внутригосударственной идеологической идентичности. Узкий сегмент консервативной клерикальной элиты, контролирующей ключевые институты государства, формирует внешнюю политику с целью поддержания идеологического характера режима. И это остается ключевым ингредиентом в определении того, как Исламская Республика думает о себе и о своей роли на Ближнем Востоке» [13, р. 61].

В последнее время все большее внимание западной историографии привлекает к себе тема связи Хомейни с исламским мистицизмом. Примечательно, что данная тема получила более широкое освещение не в американских, а в европейских англоязычных исследованиях.

В качестве примера возьмем одну из самых известных на Западе книг, посвященных жизни и деятельности имама Хомейни, «Хомейни: жизнь аятоллы» (1999) [14]. Ее автор – Бакир Моин, глава персидского отдела ВВС. Выходец из иранской религиозной семьи и обучавшийся в престижных религиозных учебных заведениях, он изнутри хорошо знаком с той религиозной средой, в которой жил Хомейни. В целом в исследовании Б. Моина показан процесс того, как мусульманский теолог сверг шаха Ирана и стал лидером Исламской Республики. Рассматриваются ранние годы жизни Хомейни, те идеи и убеждения, которые повлияли на его мировидение и представление о том, какова должна быть система управления государства.

Особый интерес представляет глава «В поисках идеала: бегство в мистицизм», связанная со временем, проведенном Хомейни в Куме. Примечательно, что более ранние работы, посвященные деятельности имама Хомейни, не заостряли такого пристального внимания на его опыте изучения исламского мистицизма, хотя и не обходили стороной его период жизни в этом религиозном центре. По приезде в Кум Хомейни начал искать учителей, с которыми он мог бы изучать две исламские великие мистические и философские традиции – ирфан и хикмат» [14, р. 39]. Для целостного понимания того, чем именно интересовался имам Хомейни, Б. Моин дает характеристику обоим направлениям. Ирфан (гнозис) рассматривается как мистическая традиция, схожая с суфизмом, а хикмат (мудрость) – как философская традиция, связанная с логическим и схоластическим познанием «внутренней реальности». Зародившись в XI в. (Ибн Сина), хикмат получила развитие в трудах шиитского ученого Насир ад-Дина Туси (XIII в.). Другое направление в рамках хикмат, более мистическое и гностическое, представлено такими известными учеными-мистиками, как Ибн Араби (1165–1240, его концепция вахдад аль-вуджуд, единство всего сущего, вошла в традицию хикмат) и Сухраварди (1154–1191, бектат аль-ийшрак, философия озарения). Эти два учения хикмат (Ибн Араби и Сухраварди) были объединены в традиции хикмат Кутб ад-Дином Ширази (ум. 1311) и Сейидом Хейдаром Амоли (ум. после 1354). Но самым важным периодом в развитии традиции хикмат явился период Сефевидов и деятельность Садр ад-Дина Ширази, более известного как Мола Садр (ум. 1641, самая известная его работа «Четыре путешествия»).

Традиция ирфан, которая, как подчеркивает Б. Моин, «также является важной в связи с Хомейни», восходит к мистической персидской поэзии. При этом автор отмечает, что речь идет не только о шиитских поэтах. В первую очередь он указывает на важность для Хомейни таких двух знаменитых суннитских поэтов-мистиков, как Джалал ад-Дин Руми (1273) и Хафиз Ширази (ум. 1389 или 1390). Последний проложил мостик между хикмат и ирфан, соединив рациональные вопросы своего времени, поднятые такими философами, как Омар Хаям, с мистицизмом суфийских поэтов, таких как Руми. Б. Моин считает, что интерес Хомейни к поэзии должен был помочь ему продвинуться в сторону ирфана, то есть к постижению мистической сути всего происходящего.

В работе описаны встречи Хомейни с исламскими богословами, которые помогали ему изучать ирфан и хикмат, а также трактат Мола Садр «Четыре путешествия» и [14, р. 42]. Однако самое большое влияние не только на религиозные, но и на политические взгляды Хомейни оказал один из лучших знатоков ирфана Мирза Мухаммад Али Шахабади (ум. 1950), принадлежавший к той небольшой группе богословов, которая выступала против шахского

режима. Ссылаясь на одного из учеников Хомейни, Сейида Ахмада Фехри, Б. Моин проводит мысль о том, что Хомейни в результате сумел совместить строгость шариата с логикой мистицизма [14, p. 44]. Моин полагает, что «развитая личность Хомейни соответствовала исламской традиции... Для умного, интровертного, разочарованного молодого человека, озлобленного упадком клерикального истеблишмента, открытие внутреннего света мистицизма стало поворотной точкой» [14, p. 45]. На основе воспоминаний людей, знавших Хомейни, Моин доказывает, что Хомейни претендовал, в духе Халладжа (ум. 922) и других исламских мистиков, на то, что у него существуют особые отношения с Богом.

Подобные зарисовки формируют у читателей романтический образ Хомейни с налетом тайны и мистики. В ранних работах, в которых представлена биография Хомейни, этого практически не встречается.

Таким образом, независимо от того, каких взглядов придерживаются западные исследователи в отношении имама Хомейни, все они признают его огромный вклад в Исламскую революцию, его определяющее влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику современного Ирана. Все еще ведутся дискуссии в отношении того, считать ли Хомейни исламистом, фундаменталистом или популистской фигурой; в отношении предложенной им модели государственного устройства «велаят-е факих», альтернативной западной демократии; в отношении правильности определенного им внешнеполитического курса Исламской республики. Тем не менее, ни у кого из исследователей не вызывает сомнения тот факт, что так называемый «хомейнизм» предложил Ирану новую идентичность в современных условиях глобального мира.

Литература

1. Ramazani, Ruhollah K. The United States and Iran: The patterns of Influence / Ruhollah K. Ramazani . – New York : Praeger, 1982. – 179 p.
2. Rubin, B. Paved with God Intentions: the American Experience and Iran / B. Rubin. – New York : Oxford UP, 1980. – 426 p.
3. Ledeen, M., Lewis, W. Debacle: the American failure in Iran / M. Ledeen, W. Lewis. – Ney York : Knopf, 1981. – 256 p.
4. Keddie, N.R. Roots of revolution: an interpretive history of modern Iran / N.R. Keddie ; with a section by Yann Richard. – New Haven : Yale University Press, 1981. – XII. – 321 p.
5. Keddie, N.R. Religion and politics in Iran: Shi'ism from quietism to revolution / N.R. Keddie. – New Haven : Yale University Press, 1983. – X. – 258 p.
6. Keddie, N.R. Iran and the Muslim world: resistance and revolution / N.R. Keddie. – New York, N.Y. : New York University Press, 1995. – X. – 303 p.
7. Fisher, M.M.J. Iran: From religious Dispute to Revolution / M.M.J. Fisher. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1980. – XIV. – 314 p.
8. Arjomand, Saïd Amir. The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran (Studies in Middle Eastern History) / Saïd Amir Arjomand. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 283 p.
9. Wright, Robin B. Sacred Rage: The Crusade of Modern Islam / Robin B. Wright. – New York : Linden/Simon & Schuster, 1985. – 315 p.
10. Wise, K. Islamic Revolution of 1979: The Downfall of American-Iranian Relations / K. Wise // Legacy. – Vol. 11: Iss. 1. – Article 2. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://opensiuc.lib.siu.edu/legacy/vol11/iss1/2>. – Date of access : 10.06.2016.
11. Coughlin, C. Khomeini's Ghost: The Iranian Revolution and the Rise of Militant Islam / C. Coughlin. – Harper Collins, 2014. – 416 p.
12. Abrahamian, E. Khomeinism: essays on the Islamic Republic / E. Abrahamian. – Berkeley : University of California Press, 1993. – XI. – 188 p.
13. Takeyh, R. All the Ayatollah's Men / R. Takeyh // National Interest. – 2012. – Issue 121. – P. 51–61.
14. Moin, B. Khomeini: Life of the Ayatollah / B. Moin. – London; New York : I.B. Tauris : Distributed in the United States by Palgrave Macmillan, 2009. – XIV. – 352 p.